

НЕИЗВЕСТНЫЙ СЫН ЮРИЯ ГАЛИЦКОГО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА РУСИ В НАЧАЛЕ 30-х гг. XV в.¹

В Типографской летописи под 1432 г. читается загадочное и пока не объясненное известие: «В лето 6940 преставися князь Иван Юрьевич в Галиче в великое говение в мнишском чину и положен бысть во церкви святого Спаса». ¹ Издатели летописи ошибочно отождествили этого князя с умершим после 31 января 1449 г. князем И. Ю. Патрикеевым. ² Упомянутого Типографской летописью под 1432 г. князя Ивана Юрьевича трудно отождествить и с кем-либо из известных по родословцам и летописям русских князей первой трети XV в. Князь Иван Юрьевич Зубцовский был жив еще в 50-х гг. XV в. ³ Маловероятно и отождествление интересующего нас Ивана Юрьевича с известными по родословцам князьями И. Ю. Шуйским и И. Ю. Козельским, ⁴ равно как и с неким князем Иваном Юрьевичем, который в 1408 г. укрывался в Москве от рати Едигея. ⁵ Ведь ни один из них не был связан с Галичем. Между тем деятельность постригшегося в монахи, умершего и захороненного в Галиче человека логично связывать именно с Галичем.

Но и поиск героя нашей статьи в Галиче сталкивается с известными трудностями. Скончавшийся в 1432 г. князь Иван Юрьевич явно не мог быть потомком галицко-дмитровских князей, лишенных в XIV в. прав на суверенное управление галицкими землями, ⁶ но сохранивших там кое-какие родовые вотчины. ⁷ Среди них в перпо-

¹ Г. В. Семенченко (1955—1989) — выпускник Мискинского историко-архитектурного института, ученик С. М. Клишанина, автор ряда работ по истории Руси XV в., трагически ушедший из жизни. Он постоянно сотрудничал с редакцией сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» и отделом филологии Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Публикуемая ниже статья И. В. Платова посвящена памяти Г. В. Семенченко, который выступал главным оппонентом по проблемам, рассматриваемым в ней.

² ПСРЛ, Пр., 1921, т. 24, с. 182 — А. А. Шахматов (Обзорные русские летописные своды, М.: Л., 1938, с. 296) предполагает, что это известие, равно как и некоторые другие, характерные для Типографской летописи оригинальные галицкие известия за вторую четверть XV в., попали в нее из ростовского владимирского свода конца XV в.

³ ПСРЛ, т. 24, с. 182, 255; Зинин А. А. Книжески знати и формирование Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Ист. зап., 1979, т. 103, с. 201.

⁴ Экземпларский А. В. Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891, ч. II, с. 507, 556. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., Л., 1950, № 37, с. 150; № 59, с. 186, 189.

⁵ Редкие источники по истории России. М., 1977, вып. II, с. 17, 44. Экземпларский А. В. Великие и удельные князья. Ч. II, с. 438—439, 592—595.

⁶ ПСРЛ, М., Л., 1959, т. 26, с. 176. — Я. С. Лурье (Общерусские летописи XIV—XV в. Л., 1976, с. 244) считает, что в 1408 г. в Москве сидел князь Иван Юрьевич Зубцовский, но доказательства на этот счет не приводит.

⁷ Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей Мискинского княжеского дома в XIV в. // Ист. зап., 1974, т. 94, с. 365—394.

⁸ В конце XIV — первой половине XV в. потомки бывших галицких князей служили Юрию Дмитриевичу и его детям (Васильевский С. Б. Исследование по истории класга

десятилетие XV в. не было ни Иванов, ни Юрьев.⁸ К тому же к XV в. потомки бывших галицких княжат потеряли, как подсказывает анализ активных источников, княжеский титул.⁹

Судя по отчеству, скончавшийся в 1432 г. в Галиче князь Иван Юрьевич вполне мог быть сыном Юрия Дмитриевича, получившего по завещанию Дмитрия Донского (1389 г.) в удел Галич. На первый взгляд предположение, что интересующий нас Иван Юрьевич был сыном Юрия Галицкого, следует сразу же отвести. Ведь если верить родословцам, то у Юрия было три сына — Василий Косой, Дмитрий Шемяка, Дмитрий Красный; ни о каком Иване родословцы не сообщают.¹⁰ Но пробелы и неточности в родословных росписях даже мужского потомства (отражение в родословцах женского потомства — исключение, а не правило) князей, крупных, средних и мелких феодалов-вотчинников — довольно распространенное явление. Эта (неоднократно отмечавшаяся исследователями) особенность родословных росписей во многом объясняется их сравнительно поздним происхождением. В частности, самые ранние родословные росписи удельных князей Московского дома появились в 30—40-х гг. XVI в.,¹¹ т. е. столетие спустя после смерти захороненного в Галиче князя Ивана Юрьевича. В это время никто не был заинтересован в тщательном изучении и точном воспроизведении родословия потомков Юрия Дмитриевича. Сам он, его сыновья, внуки (Иван Дмитриевич) и правнуки (Василий Шемячич) имели дурную репутацию врагов великокняжеского престола. Да и «выудить» сведения об Иване Юрьевиче (если верна гипотеза, что он сын Юрия Дмитриевича) составителям удельнокняжеских родословцев было сложно. Первые недвусмысленные известия о сыновьях Юрия в летописных сводах XV—XVI вв., которые были одним из основных источников для создания родословных росписей московских князей,¹² появились только с конца 1432—начала 1433 г.,¹³ т. е. после смерти Ивана Юрьевича (до его смерти о Юрьевичах имеется, как мы увидим ниже, только одно завуалированное упоминание).¹⁴ В княжеских завещаниях и докончаниях о Юрьевичах впервые сообщает грамота, составленная не ранее июня 1432 г. А наш Иван Юрьевич умер

служилых землевладельцев. М., 1964. С. 418—422). Откуда логично заключить, что и после присоединения Галицкого княжества к Москве потомки бывших галицких суверенов продолжали сохранять какие-то владения в галицких землях.

⁸ Родные источники по истории России. Вып. II. С. 166—167.

⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 108, 111.

¹⁰ ИСРЛ. СПб., 1858. Т. 7. С. 238; Родные источники по истории России. Вып. II. С. 12, 57.

¹¹ Бычков М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975. С. 19—32, 148; Лелина С. А. К изучению Вискресенской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1957. Т. XIII. С. 689—706.

¹² Бычков М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. С. 145—159.

¹³ Эскеджарский А. В. Великие и удельные князья. . . Ч. II. С. 236, 252, 281.

¹⁴ Около 1422 г. «детки» Юрия Галицкого (не называемые по имени) упомянуты в послании Кирилла Белозерского к Юрию (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв. М., 1958. Т. 2. № 313. С. 276).

«в великое говение», т. е. в период между 9 февраля и 19 апреля 1432 г.¹⁵

Анализ одного из троицких актов первой половины XV в. позволяет заключить, что у Юрия определенно был еще один, не упомянутый в родословцах, сын. 22 сентября—5 декабря 1440 г. Дмитрий Шемяка дал в Троице-Сергиев монастырь с. Присецкое в Бежецком Верхе «на поминки своему отцу, великому князю Юрию Дмитриевичу, и своей матери, и своей братьи, инока Игнатия и князя Дмитрия Юрьевича, и всему нашему роду на поминки их душам».¹⁶ Следовательно, у Дмитрия Шемяки (одного из сыновей Юрия) был брат, умерший до 1440 г. и носивший в иночестве имя Игнатий. Игнатия нельзя отождествить ни с кем из известных по родословцам сыновей Юрия Галицкого.¹⁷ Это не Дмитрий Юрьевич Красный, упомянутый в данной наряду с Игнатием, и не Василий Косой, умерший только в 1448 г.¹⁸

Как и наш Иван Юрьевич, «инок» Игнатий был постриженником монастыря. Игнатий назван братом Шемяки, а князь Иван, упомянутый под 1432 г. Типографской летописью, имел такое же, как у Шемяки, отчество — Юрьевич. Предположение о тождестве умершего в 1432 г. в Галиче князя Ивана Юрьевича с братом Шемяки «иноком Игнатием» делает еще более вероятным тот факт, что мирское и иноческое имя того и другого начинается на одну и ту же букву (я в XV в. постриженник чаще всего брал иноческое имя, начинавшееся на ту же букву, что и мирское).

Наш Иван Юрьевич, вероятно, упомянут еще в одном источнике — в составленном около 1 (или 2) июля 1431 г. завещании митрополита Фотия. Текст грамоты Фотия по Никоновской летописи, говоря о посмертном «прощении» и «благословении» русским митрополитом христиан, персонально выделяет из «прощаемых» и «благословляемых» великого князя Василия Васильевича, великую княгиню Софью Витовтовну, князей Андрея и Георгия (т. е. Юрия) Дмитриевичей. Текст той же грамоты в передаче Софийской второй и Львовской летописей выделяет Василия Васильевича, Софью Витовтовну, Андрея и Константина Дмитриевичей, а также князя Ивана Юрьевича «с братьею».¹⁹

И составители Никоновской летописи, и составители общего источника Софийской второй и Львовской летописей имели доступ

¹⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. № 29, С. 73—74; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. V. С. 297, 323; Каменцева Е. И. Русская хронология. М. 1960. С. 44, 50—51, 53 (табл. 13).

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. I. № 164. С. 120.

¹⁷ Л. В. Черепнин (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. I. С. 671), очевидно, именно поэтому оставляет под вопросом существование брата Дмитрия Шемяки, именуемого «иноком Игнатием».

¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 40. С. 76; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 121.

¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 156; 1901. Т. 12. С. 12; 1910. Т. 20, 1-я пол. С. 236.

к документам митрополичьего архива²⁰ и могли широко привлекать хранящиеся там документы. По-видимому, они использовали текст грамоты, хранившийся в митрополичьем архиве. Вряд ли там было два варианта текста, которые различались в той части, где говорилось поименно о «благославляемых» и «прощаемых» князьях.²¹ Вероятнее иное: при переписывании грамот Фотия ее текст был искажен либо составителями Никоновской летописи, либо составителями источника Софийской второй и Львовской летописей, либо составителями обоих этих сводов, но по-разному.

В обоих вариантах текста прослеживается принцип поименного перечисления князей Московского дома в очередности, соответствующей их положению в княжеской иерархии (вначале упомянут великий князь, затем великая княгиня, далее по старшинству жившие в момент составления духовной Фотия удельные князья).²²

Из удельных князей «неблагословенная» Фотия мог, пожалуй, описаться только Юрий Галицкий, который в начале 1430-х гг. возобновил борьбу за великокняжеский стол против поддерживаемого митрополитом Василием Темным. Младшие братья Юрия, Андрей и Константин, в этой борьбе держали сторону Василия Темного²³ и вряд ли бы были обойдены «благословенным» Фотия. Но в грамоте Фотии провозглашалось «благословенные» и «прощение» всем, в том числе и «пороптаным» против митрополита. Думается поэтому, что там все же упоминался и Юрий. Во всяком случае маловероятно, чтобы этот князь был вставлен в текст грамоты при составлении Никоновской летописи. Ее редактор митрополит Даниил не имел никаких оснований вписывать Юрия в число «благославляемых» и «прощаемых» князей, чтобы пробудить интерес к нему. Скорее, он был заинтересован в противоположном. Ведь воспоминания о Юрии косвенно оживляли и память об его потомках, в том числе и о правнуке Юрия — новгород-северском князе Василии Шемячиче, в судьбе которого митрополит сыграл зловещную роль, показав себя обманщиком и клятвоотступником (Даниил гарантировал Шемячичу безопасный проезд в Москву, однако там новгород-северский князь был арестован).²⁴ Словом, думаю, что упоминание о Юрии было выпущено (неясно, правда, умышленно или случайно) составителем общего источника Софийского второй и Львовской летописей при переписывании текста грамоты Фотия.

²⁰ Никоновская летопись создавалась в конце 1520-х гг. в скриптории митрополита Даниила (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980). Общим источником Софийской второй и Львовской летописей был, по-видимому, летописец конца XV в., составленный одним из клириков московского Успенского собора (Клосс Б. М., Низарки В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. М., 1984. С. 283—313).

²¹ В остальных передачах текста грамоты из Софийской второй и Львовской летописей, с одной стороны, и из Никоновской летописи — с другой, практически одинаковы.

²² В обоих вариантах текста согласно умалчивается об умершем в 1428 г. князе Петре Дмитриевиче (ПСРЛ. Т. 26. С. 185).

²³ Черепнин Л. В. Образованье Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 745—754.

²⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 254—256.

В то же время в той части текста, где речь идет о «благословении» Константина Дмитриевича и Ивана Юрьевича с «братъею», грамота Фотия, думается, точнее воспроизводится общим источником Софийской второй и Львовской летописей. Составители Никоновской летописи скорее всего несколько сократили текст, убрав упоминание о двух последних по счету «благословляемых» Фотием князьях и растворив их среди других (персонально не названных) русских «князей» с их «женами и детьми». Во всяком случае нет видимых оснований, чтобы предполагать произвольное домысливание и пополнение новыми именами текста грамоты Фотия составителями протографа Софийской второй и Львовской летописей.

Таким образом, текст хранившейся в митрополичьем архиве грамоты Фотия, по всей видимости, был искажен (по по-разному) и при составлении Никоновской летописи, и при составлении общего источника Софийской второй и Львовской летописей; духовная же Фотия «благословляла» и «прощала» великого князя Василия Васильевича, его мать великую княгиню Софью Витовтовну, князей Юрия, Андрея, Константина Дмитриевичей, а также князя Ивана Юрьевича с «братъею».

Кого из известных нам князей Иван Юрьевичей, живших в первой трети XV в., подразумевал Фотий? На мой взгляд, наиболее вероятно его идентификация с князем Иваном Юрьевичем Галицким. Главное даже не в том, что она полностью соответствует статье о «благословении» Ивана Юрьевича «с братъею», тогда как другие возможные кандидаты по родословцам либо не имели братьев, либо вряд ли могли быть выделены из их числа (в конце концов настоящая наша статья как раз и доказывает недостаточную надежность и неполноту книжеских родословных росписей как исторического источника).²⁵ Главное в том, что митрополичьи завещания поименно выделяли именно князей Московского дома (в завещаниях митрополитов Кирилла и Фотия все поименно выделенные князья были князьями Московского дома). Иван Юрьевич, коль скоро его выделили среди братьев, был, очевидно, старшим сыном Юрия Дмитриевича. В год смерти ему, следовательно, не могло быть более 31—32 лет.²⁶

²⁵ Иван Юрьевич Суздальский — внук Кирилла — по родословцам был младшим братом Федора и Василия (Редкие источники по истории России. Вып. II. С. 17; *Этнопляровский А. В. Великие и удельные князья*. . . Ч. II. С. 438—439). И очень сомнительно, что из числа братьев был персонально выделен (и, следовательно, поставлен во главе семьи) младший брат. У князя Ивана Юрьевича Елецкого-Копельского родословцы показывают только одного его брата, а не «братъею» (Редкие источники по истории России. Вып. II. С. 44, 167). В литературе высказано мнение о тождестве Ивана Юрьевича духовной Фотия с князем Иваном Юрьевичем Зубцовским (*Этнопляровский А. В. Великие и удельные князья*. . . Ч. II. С. 507, 556; *Baumgarten N. de Généalogies des branches régnautes de Rurikides du XIII au XVI siècle*. Roma. Publ. Inst. orientallium studiorum, 1934. P. 51; *Зимин А. А. Феодалыная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в.* // *История СССР*. 1973. № 3. С. 126, примеч. 27). Но по родословцам он не имел «братъею» (Редкие источники по истории России. Вып. II. С. 84).

²⁶ Юрий женился в 1400 г. Его жена княгиня Анастасия умерла в 1422 г. (ПСРЛ. М.: Л., 1949. Т. 25. С. 229, 245).

Завещание Фотия было по форме предсмертным актом всеобщего «прощения» и «благословения», но оно имело на деле глубокий политический смысл. Василий II назван «великим князем». Претендующий на этот титул Юрий Галицкий упомянут после своего племянника и его матери, а его дети — последними в ряду удельных князей Московского дома (подчеркивается, что они младше не только по отношению к великому князю, но и по отношению к младшим братьям Юрия — Андрею и Константину).²⁷ Очень любопытен сам факт упоминания князя Ивана Юрьевича «с братьею». Ведь дети еще одного удельного князя — Андрея Дмитриевича — в грамоте Фотия не упоминаются.²⁸ Почему же Фотий такое внимание уделяет именно сыновьям Юрия Галицкого? Не противопоставляет ли он тем самым сыновей отцу? Не служит ли «благословение» Фотием князя Ивана Юрьевича «с братьею» доводом в пользу предположения С. Б. Веселовского, что в начале 1430-х гг. Москва небезуспешно заигрывала с сыновьями галицкого князя, мешая Юрию начать схватку за великокняжеский стол?²⁹ Не говорит ли персональное «благословение» Фотием князя Ивана Юрьевича Галицкого о расположении к этому князю московского правительства и, весьма вероятно, о довольно холодных отношениях Ивана с отцом? В этой связи встают и другие вопросы, решить которые пока не представляется возможным. Когда и в связи с чем князь Иван Юрьевич постригся в монахи? Постригся ли он, будучи больным и предчувствуя близкую смерть, как это делали некоторые другие князья Московского дома (Иван Калита, Семен Гордый, Василий III)? Или же к уходу Ивана Юрьевича в монастырь приложил руку его отец, недовольный связями сына с Москвой? И, наконец, самая смерть этого князя была ли естественной?

²⁷ Не случайно грамота Фотия содержит статью санищим: «... елица о сих писаниих иже поидут, и ти истязани будут от бога» (ПСРЛ, т. 6, с. 148, т. 12, с. 15, т. 20, 1 и пол. с. 238). Грамота о всеобщем «прощении» и «благословении», не содержащая глубокого политического подтекста, не могла, конечно, привести кого либо в негодование. Не случайно ее нет в аналогичной фотиеву завещанию грамоте митрополита Киприана (там же, т. 25, с. 234—236).

²⁸ К лету 1431 г. у Андрея Дмитриевича, вне всякого сомнения, был уже один сын — Иван (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. 2, № 314, с. 278). А скорее всего у него был уже и второй сын — Михаил.

²⁹ *Веселовский С. Б. Исследование...* с. 340—344. — В отношении Василия Косого предположение С. Б. Веселовского определенно подтверждается. Василий был женат на внучке И. Д. Веселовского (ПСРЛ, т. 8, с. 92) — видного московского боярина, перебежавшего в 1432 г. в Галич. С. Б. Веселовский (Исследование... с. 340—341) справедливо указывает, что если свадьба состоялась до перехода Ивана Дмитриевича к Юрию, то ее надо рассматривать как попытку московского правительства оторвать Василия Косого от отца, если же после, то она отражает попытки Ивана занять высокое место на южной службе. Но А. В. Экземпирский (Великие и удельные князья... ч. II, с. 309, примеч. 829) убедительно датировал свадьбу 1429 г., т. е. временем до перехода Ивана Дмитриевича в Галич и до составления духовной грамоты Фотия. В начале феодальной войны не раз происходили противоречия между Юрием и тремя известными его сыновьями. После смерти Юрия происходили стычки между его наследниками. Один из них (Дмитрий Красный) вообще шел в фарватере Москвы (Черепнин Л. В. *Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.*, с. 757—768).